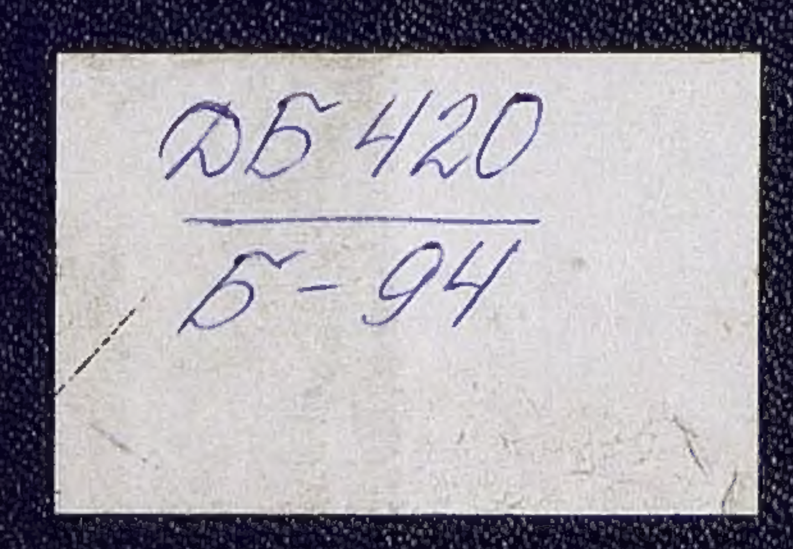
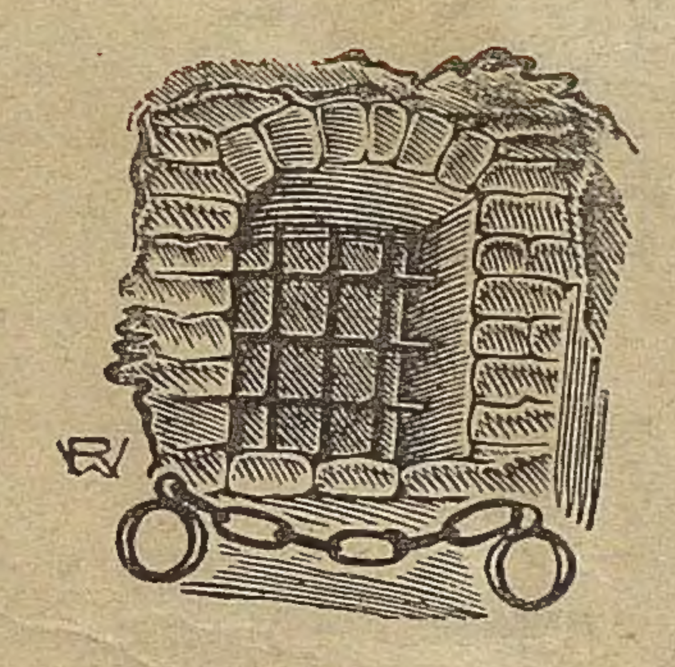

ДБ 420
Б - 94

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
„КАТОРГА И ССЫЛКА"

Н. А. БУХБИНДЕР

ЗУБАТОВЩИНА
И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ

№ 32-33

МОСКВА
1926

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

№ 32-33

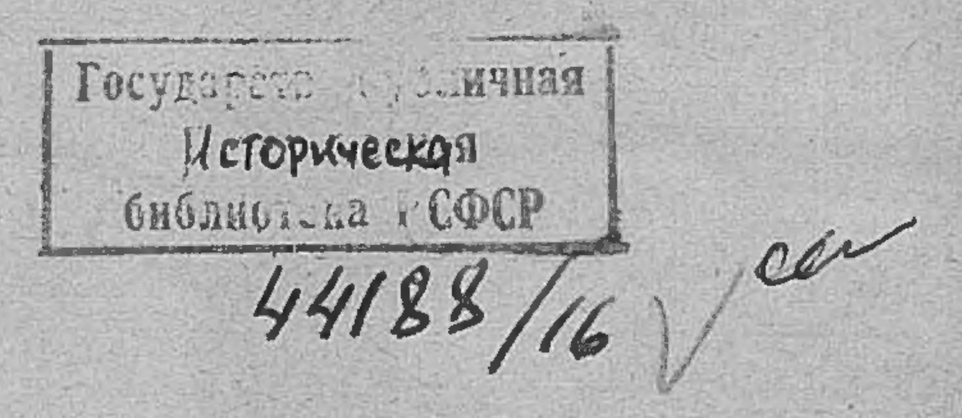
Н. А. БУХБИНДЕР

ЗУБАТОВЩИНА И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва—1926

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Главлит № 69.485. Тираж 15.000 экз.

Книжная фабрика Центрального Издательства народов С.С.С.Р.
Москва, Шлюзовая набережная, д. 162.

ГЛАВА I

Зубатовщина в Москве

В начале девяностых годов в Москве, в связи с промышленным под'емом, наблюдалось оживление в рабочем движении. Стачки стали частым явлением и вовлекли много народа. Положение рабочих, благодаря этому, несколько улучшилось. Так, на 4 крупных московских мануфактурах за период 1883 — 1896 г.г. заработная плата у ткачей повысилась на 9%, у прядильщиков — 17%, у работниц — 18%. На мануфактурах Цинделя с 1885 по 1899 г.г. средняя заработная плата поднялась на 15%.

Социал-демократическая пропаганда в Москве в начале 90-х годов велась очень сильная. Образовалась энергичная социал-демократическая организация «Московский Рабочий Союз»[1]). В 1896 году социал-демократическая пропаганда захватила в Москве 40 фабрично-заводских предприятий.

---

[1]) В Москве в те годы в социал-демократическом движении работали: Н. М. Кашинский, М. Бруснев, Ф. Афанасьев, Г. М. Круковский, М. и Г. Н. Мандельштамы, С. И. Мицкевич, А. Н. и П. М. Винокуровы., Ф. Поляков, П. Н. Колокольников, (Дмитриев), Б. А. Кварцев, Н. Величкин, А. Орлов, Радин, Корчагин, Семенов, А. И. Елизарова и др.

Рост стачечного движения и усилившееся влияние социал-демократии в Москве привлекли к себе сугубое внимание полиции и жандармерии. «Охранка» в борьбе с ними прибегает теперь к новым методам, получившим наименование «зубатовщины». Они состояли в том, что начальник московского охранного отделения С. Зубатов, с одобрения московского полицеймейстера Трепова и московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича, чтобы ослабить влияние социал-демократии на рабочие массы, начал насаждать сначала в Москве, а позже — в Минске, Вильне, Одессе и некоторых других городах организации рабочих, которые при содействии полиции и жандармерии вели экономическую борьбу с предпринимателями.

В 1896 году С. Зубатову удалось арестовать почти всех наиболее активных работников «Московского Рабочего Союза». Среди арестованных он начал вести пропаганду «монархического социализма». В частных беседах с заключенными С. Зубатов старался их убедить в том, что царизм ничего не имеет против экономической борьбы пролетариата, что рабочие легко могут завоевать и при самодержавии значительные улучшения своей жизни, что политические свободы нужны не рабочим, а буржуазии и интеллигенции; он говорил, что «правильно понятая монархическая идея в состоянии дать все нужное стране при развязанности общественных сил, притом без крови и прочих мерзостей»[1].

---

[1]) Дело историко-револ. архива б. деп-та полиции, № 538, о. о., 1908 г.

Вот как излагал сущность своей пропаганды С. Зубатов в письме к начальнику особого отдела департамента полиции, Ратаеву: «...Вся суть, по моему, дела — раз'единить последний (противоправительственный) элемент с массой. На допросах я совершаю сие с блестящим успехом — могу сказать по совести. В русском движении, да, пожалуй, и в еврейском, я с успехом убеждаю публику, что рабочее движение — одно, а социал-демократическое — другое. Там — целью является копейка, здесь — идеологическая теория. Рабочий должен стремиться к гражданскому уравнению с так называемыми «привилегированными» классами (что вовсе не требует ни социализма, ни политической свободы, а также ни ума, знания и самодеятельности); социал же демократы, игнорируя непосредственные его интересы, зовут его помочь «привилегированным» классам в достижении их интересов (совершить революцию), обещая после этого ему всяких благ. Очевидно, только глупость и серость рабочих делают их неспособными видеть эту передержку и вопреки здравому смыслу упускать синицу из рук и гнаться за журавлем в небе. С этим все, по раз'яснении, соглашаются и начинают жаловаться что «как этого они не доглядели»[1]).

Некоторые заключенные искренно поверили Зубатову и по выходе из тюрьмы повели соответствующую пропаганду. Наряду с ними, искренно заблуждавшимися, подобную же пропаганду вели

---

[1]) Д. ист. рев. арх., б. деп. пол., № 5, 7, 48. 1898 г., о. о., л. 23—24.

и агенты московского охранного отделения, проникшие в рабочую среду.

Ближайшим результатом этого было то, что среди московских рабочих началось движение за учреждение легальных обществ взаимопомощи. Во главе этого стояли: б. соц.-дем. Афанасьев, Слепов, Красивский, Сафонов, Назаров, Савинов и др.

В 1901 году эта группа рабочих подала московскому генералу-губернатору Сергею Александровичу ходатайство о разрешении «Московского общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве». Так как устав этого «Общества» должен был быть утвержден министерством внутренних дел, а это могло затянуться, Трепов, московский обер-полицеймейстер, разрешил инициаторам об-ва, не выжидая утверждения устава, приступить к работе.

«Общество взаимопомощи рабочих в механическом производстве» стало устраивать по воскресным дням лекции-собеседования в аудиториях чайной Общества общеобразовательных развлечений и Исторического музея. Трепов их разрешил, но при том условии, что на каждом заседании обязательно будет присутствовать представитель полиции.

Лекторами были профессора: Озеров, Ден, Вормс, Мануйлов и другие. Обсуждались вопросы о кассах взаимопомощи, потребительских обществах, биржах труда, о квартирной нужде и средствах к ее удовлетворению, о продолжительности рабочего дня, о русском фабричном законодательстве, о коллективном договоре и третейском суде,

клубах, о санитарной гигиене и предохранительных средствах в механическом производстве и т. д.

Потом лектора стали раздавать слушателям анкетные листы об условиях жизни московских рабочих. Таким путем был собран большой и ценный материал, который разбирался тут же, на совещаниях. В общем, собеседования имели огромный успех: аудитории бывали всегда переполнены рабочими.

Вскоре в Москве заговорили о причастности этого Общества взаимопомощи к «охранке». Лектора, под давлением общественного мнения, поспешили отказаться от дальнейшей работы в нем. После их отказа охранное отделение составило «комиссию по организации и руководству чтениями», куда вошли такие «благонадежные» лица-«просветители», как: епископ можайский о. Парфений, ректор духовной семинарии, о. Анастасий, председатель московского цензурного комитета Назаревский, Л. Тихомиров, Грингмут и др.

Наряду с воскресными чтениями, так сказать, общеобразовательного характера, «Общество взаимопомощи» устраивало в будни в чайных, в различных районах города, собрания рабочих, иногда очень многолюдные. Так, например, в районе Рязанских мастерских — по понедельникам, в Покровском районе — по вторникам, в Рогожском — по пятницам и Смоленском — по субботам [1]).

Далее, зубатовское «общество» устраивало часто, чуть ли не еженедельно, в чайных семейно-танцовальные вечера. Хотя на вечерах торговля

---

[1]) Д. ист. рев. арх., б. деп-та пол., № 801, ч. 1, 1901 г., о. о. Записка моск. охр. отд. о рабочем движении.

спиртными напитками была запрещена, но некоторые приносили их с собой, и нередко вечера, по сообщению участковых приставов полицеймейстеру Трепову, заканчивались драками.

Зубатов был очень доволен ходом рабочего движения в Москве и, например, писал Ратаеву, начальнику особого отдела департамента полиции: «Настроение рабочих очень жизнерадостное и благожелательное [1]).

«Общество» стало разрастаться, и вскоре встал вопрос об избрании руководящего органа «Совета Рабочих». Ходатайствуя перед Треповым о разрешении подобного «Совета», «Общество взаимопомощи рабочих в механическом производстве» выставило следующие мотивы: неудобство обсуждать некоторые вопросы, касающиеся жизни рабочих гор. Москвы в присутствии многочисленных собраний рабочих в воскресные совещания, где могут возникнуть недоразумения по поводу тех или иных вопросов как со стороны в первый раз попавших на совещания рабочих, так и со стороны посторонних, т.-е. лиц, «не принадлежащих к нашей профессии».

Что представлял собой «Совет Рабочих»? Это была агентура «охранки», как в этом признается сам С. Зубатов [2]). Цель Совета — «осведомлять охранку» о настроениях рабочих, вести среди них

---

[1]) Д. Московского охр. отд. № 1090, т. 1, л. 59, письмо от 4 июня 1901 г.

[2]) См. ст. Н. А. Бухбиндера „Зубатовщина в Москве“, „Каторга и ссылка“, № 1 (14), 1925 г.

агитацию против социал-демократии и за легальное рабочее (зубатовское) движение. Зубатов в «Совет» провел всю агентуру. И поэтому правильнее было бы говорить о существовании не «Совета Рабочих», а «Совета агенов охранного отделения» в «Обществе взаимопомощи рабочих механического производства». Задача «Совета» — держать Зубатова в курсе того, что делается в рабочей среде, и не один рабочий, причастный к нелегальной социал-демократической работе, был по его указанию арестован и выслан. «Обладая Советом,— писал Зубатов директору департамента полиции С. Э. Зволянскому: — мы располагаем фокусом от всей рабочей массы и благодаря этому рычагу можем вертеть всею громадою». Зубатов искренно недоумевал в письме к Ратаеву, как это старший фабричный инспектор Гросс, запросивший министра финансов, как ему относиться к «Совету Рабочих», не может понять, что «Совет есть его же собственная агентура».

Трепов, утверждая ходатайство об учреждении «Совет Рабочих», поставил резолюцию: «Совет разрешаю и инструкцию утверждаю, в уверенности, что рабочие оправдают мое к ним доверие и благожелательство[1]).

В «Совет»рабочие шли с самыми различными заявлениями: одни жаловались на антисанитарное состояние фабрик, другие — на неправильный расчет, третьи — на недоданную плату, четвертые —

---

[1]) Дело московского охранного отделения, № 1090, л. 340.

на произвольное повышение хозяевами рабочего дня без дополнительной оплаты его и т. д., и т. д. «Совет» обо всем этом писал Трепову или фабричному инспектору и добивался в большинстве случаев удовлетворения этих жалоб. Иногда при содействии «Совета» рабочие устраивали стачки, но дело до этого редко доходило. Фабриканты, зная про связь «зубатовцев» с охранным отделением, шли на уступки. Так, под давлением «Общества взаимопомощи рабочих механического производства», крупные заводчики Лист, Вейхельт и Циндель разрешили рабочим уходить с завода без обыска, в рязанских мастерских ввели вместо 10½ час. рабочего дня — 10 часовой.

В общем, требования рабочих заключались, главным образом, в том, чтобы исполнялся закон, соблюдались гигиенические правила и проч. Григорьевский правильно по этому поводу замечает: «Зубатовщина не столько создавала поводы к неудовольствию, сколько пользовалась уже существующими, придавая им лишь определенную формулировку. Зубатовщина пред'являла требования об исполнении закона, но не изменения. Ясно, что зубатовщина не желала затронуть авторитет закона и законодателя. Расчет был тонкий. Она, очевидно, хотела как бы показать рабочим: «законы святы, но исполнители лихие супостаты» (Григорьевский, «Полицейский социализм»).

---

19 февраля 1902 года «Общество взаимопомощи рабочих механического производства» по собственной инициативе организовало огромную пат-

риотическую манифестацию у памятника Александру II.

Трепов был крайне недоволен затеей «зубатовцев». Он, например, по ходатайстве их поставил следующую сердитую резолюцию: «Надлежало прежде всего испросить разрешение, а потом уже пропагандировать идею»[1]).

Департамент полиции, с своей стороны, высказался лишь за то, чтобы рабочим было разрешено отслужить панихиду по Александре II и молебствие за Николая II и возложить венок, но предлагал запретить шествие по городу[2]).

Московский генерал-губернатор, вел. кн. Сергей Александрович, вообще очень благоволивший к «зубатовцам», пришел в восторг от их затеи, разрешил считать этот день нерабочим и выразил желание лично присутствовать на этом патриотическом празднике.

Среди «зубатовцев» шли деятельные подготовления к этому дню: на всех фабриках и заводах собирались деньги на венок, велась усиленная патриотическая пропаганда.

С утра 19 февраля рабочие со всех концов Москвы с семьями и детьми начали стекаться к Кремлю. Собралось в общем около 50.000 рабочих. У памятника Александру II была отслужена панихида и возложен депутацией от рабочих (Афанасьевым, Красивским, Слеповым и другими) роскошный венок. Оркестр рабочих играл «Коль

---

[1]) Д. моск. охр. отд. № 101, 1902 г.

[2]) ibid, отнош. нач. деп. пол. С. Зволянского от 4 февраля 1902 г. за № 753.

славен», «Боже царя храни» и «Преображенский марш». Потом в храме спасителя было отслужено молебствие за здравие Николая II.

В печати указывалось, что празднование 19 февраля 1902 г. было организовано по поручению Зубатова. Это вряд ли так. Из сохранившихся архивных материалов видно, что оно произошло лишь по инициативе «Общества взаимопомощи рабочих механического производства».

19 февраля 1902 год — это высший пункт, до которого поднялось движение зубатовцев в Москве. Дальше оно шло на убыль.

Выше мы указывали, что в некоторых случаях при содействии зубатовских обществ протекали и стачки. Особенно значительна была по количеству участников и шуму, вызванному ею, забастовка в 1902 г. на фабрике товарищества шелковой мануфактуры. Она возникла по следующему поводу: рабочие 21 февраля 1902 г. расторгли договор с правлением мануфактуры и оставили работу, пред'явив следующие требования: 1) уплату ткачам 25% на заработный рубль с пасхи 1901 г. по пасху 1902 г. за все прогульное время ткачей по вине фабрики и 2) оставление на фабрике ткачей Макарова и Синицина, коим был об'явлен расчет[1]). На некоторых других фабриках, напр. Кондрашева, Балакина и Зологина, по требованию рабочих, им было уплачено за прогульное по вине фабрики время.

---

[1]) Д. ист.-рев. арх., 6. деп. пол. № 801, 1901 г., ч. 1, записка моск. охр. отд. „О раб. движении в Москве“.

В инциндент вмешался «Совет Рабочих» и, с ведома охранного отделения, начал содействовать мирному улажению спора. Представитель его Жилкин начал переговоры с фабричным инспектором Игнатовым и директором фабрики Яропольским. В результате этого Яропольский заявил, что фабриканты готовы пойти на некоторые уступки, но, если придется уплачивать за присучку, прогулы и некоторые другие связанные с ткачеством обстоятельства, то придется расценок понизить. Поддаваясь уговору Жилкина и Красивского, рабочие соглашались уже стать на работу, но потребовали обратного приема Макарова и Синицина и настаивали, чтобы состоявшееся соглашение было изложено письменно и засвидетельствовано фабричной инспекцией. Правление фабрики, под давлением одного из директоров — Гужона, отказалось удовлетворить требования рабочих. Далее, Гужон отказался допустить представителей «Совета», Жилкина и Красивского, присутствовать при расчете ткачей, несмотря на требования охранного отделения и фабричного инспектора. Трепов, основываясь на указаниях фабричной инспекции о том, что новый расценок, предлагаемый правлением фабрики, не ниже прежнего, предложил Красивскому и Жилкину поставить ткачей на работу. Однако, Гужон опять не допустил представителей «Совета» в помещение фабрики для переговоров с рабочими, хотя этого требовали пристав и помощник начальника охранного отделения. Он согласился допустить представителей «Совета» лишь по личному требованию Трепова, подкрепленному предписанием на имя участкового пристава. Но из этих перего-

воров Жилкина и Красивского ничего не вышло, так как рабочие утверждали, что расценок остался без изменения или даже несколько повышен лишь на ограниченное количество сортов, на ходовые же сорта тканей расценок оказался настолько пониженным, что, по расчету ткачей, его понижение должно было повлечь уменьшение месячного заработка до пяти рублей с копейками.

В общем, бросило работу около 1000 рабочих. Забастовавшие, в большинстве приезжие, стали раз'езжаться: из 932 ткачей в Москве осталось не более 300.

Таков ход стачки, как его изображает охранка. Роль «Совета» она излагает, как посредническую, содействовавшую мирному улажению конфликта. В своих же жалобах, поданных в министерство финансов, правление фабрики утверждало иное, а именно, что стачка возникла не по личному желанию рабочих, а в силу агитации делегатов «Совета» — Жилкина и Красивского, действовавших ложными обещаниями и угрозами, по приказанию и под руководством охранного отделения. Эти последние говорили рабочим, что правление не устоит против коллективного прекращения работы, что оно не в праве заместить прежних ткачей — новыми, что правлению грозит высылка или арест, что правление принудят выплатить за прогульное время, что полицией будут высланы из Москвы все те ткачи, которые примутся за работу, что фабрика после пасхи будет отобрана в казну, что несогласившиеся возобновить работу получат таковую от казны, и ставшие на работу лишатся

вознаграждения со стороны товарищества в размере 25 и более рублей за прогульное время.

Трепов и «охранка» прилагали все усилия, чтобы добиться благоприятного для рабочих окончания стачки, так как они опасались, что в случае неудачи последней может быть скомпрометировано все «зубатовское» движение в Москве. Трепов, пригласив к себе правление фабрики, не остановился пред угрозами облагать товарищество шелковой мануфактуры усиленными штрафами за нарушения обязательных постановлений и прибегнуть даже к высылке директоров, как иностранных подданных, из России. Он на это решился, так как стачка и вмешательство полиции получили очень большую огласку, и все это могло окончиться весьма скандально для полиции, окончательно ее скомпрометировав.

Гужон, один из директоров товарищества, проявил, однако, много упорства и занял воинственную позицию, опираясь на свои большие связи в сферах.

Стачечники держались стойко. «Совет» выдавал им пособия в 250 руб. в неделю. Правление фабрики попыталось внести раскол в среду стачечников, но неудачно: это встретило противодействие со стороны «Совета», руководившего стачкой. Тогда правление решило прибегнуть к репрессиям и через суд потребовало немедленного очищения фабричных спален, предполагая, что перед перспективой остаться без жилья ткачи скорее согласятся стать на работу. Тогда «Совет» нанял для стачечников пустую фабрику, где они и были размещены.

Фабриканты пожаловались в Петербург, в министерство финансов. Витте поспешил стать на их сторону [1]). Витте, высказываясь против практикуемой в Москве «зубатовщины», между прочим, повторяет, вслед за промышленниками, что «рабочие обсуждали на своих собраниях государственную роспись». Это, конечно, для него могло быть решающим аргументом в пользу закрытия «зубатовских» обществ, так как обозначало бы, что рабочие, интересуясь государственным бюджетом, вторгаются в область политики. Но это утверждение, исходившее от фабрикантов, несомненно ложно. На собраниях подобные вопросы не обсуждались. Фабриканты пустили этот слух, чтобы припугнуть Витте и тем самым добиться закрытия зубатовских обществ.

Сипягин присоединился к Витте и в своих представлениях московскому генерал-губернатору [2]) настойчиво добивался закрытия зубатовских обществ, но безуспешно, так как Сергей Александрович, пользовавшийся огромным влиянием при дворе, относился весьма благожелательно к московским опытам легального движения.

Вмешательство министерств внутренних дел и финансов имело тот непосредственный результат, что зубатовское движение в Москве несколько стихло. Стачка на т-ве шелковой мануфактуры была полицией ликвидирована крайне неудачно для рабочих. Предположенная высылка из России

---

[1]) См. ст. Н. А. Бухбиндера „Зубатовщина в Москве" „Каторга и ссылка", № 1, 1925 г., где приведена переписка Витте с Сипягиным.

[2]) Там же.

Гужона, благодаря вмешательству французского посла, была отменена.

Зубатовщина из Москвы перебросилась в первую очередь в уезды Московской губернии. Здесь произошел целый ряд стачек, частью вызванных делегатами московских зубатовских организаций. В первое время были арестованы здесь некоторые зубатовские агитаторы, но в Москве, куда их доставили, они были освобождены. Московский губернатор Булыгин запросил вел. кн. Сергея Александровича о характере и деятельности зубатовских организаций.

По предложению последнего, Трепов подробно изложил ее. Он, между прочим, пишет: «...Действия «Совета» направлены в интересах правительства, а не в интересах выгодного для революционеров брожения. ...Правда, деятельность «Совета» вызвала оживление в рабочей среде. Но оживление это само по себе совершенно безвредно для правительственной власти, ибо распространяется исключительно на сферу чисто бытовых, жизненных вопросов и при этом сопряжено с глубокой верой в правительственную благожелательность в отношении рабочих. Общность и близость кровных интересов вызвали, конечно, единодушие и настойчивость, очевидно, смущающие московскую губернскую власть. Но если власть эта желает быть попечительной и деятельной, то такое положение вещей совершенно соответствует ее целям, обещает ей существенное облегчение в служебной деятельности; в противном случае, под'ем народного духа

действительно может повести к брожению, возбуждению и волнениям среди рабочих с преступными целями». — «...Губернской власти следует не огораживаться особой стеной от открытой, честной и благонамеренной деятельности такого состава членов Совета рабочих, каков в здешней столице (что и физически невозможно), а пойти этим стремлениям навстречу и, организовав в губернии свой подобный Совет, чутко прислушиваться через его посредство к естественным желаниям масс и охотно отзываться на их кровные нужды»[1]).

Движение это вскоре, помимо рабочих механического производства, охватило и другие отрасли. По инициативе «Общества рабочих механического производства», в конце 1901 г. подается московскому обер-полицеймейстеру Трепову ходатайство о разрешении «О-ва взаимопомощи рабочих текстильного производства»; в 1902 — 1903 г.г. пуговичного, кондитерского, табачного, парфюмерного, картонно-картонажного, ситце-набивного и граверного производств. Причем, в ходатайствах указывается, что о-во кондитерского производства будет об'единять рабочих 37 фабрик, пуговичного — 12 фабрик и вшивален, табачного — 5 фабрик, парфюмерного — 12 фабрик, текстильного — 3 фабрик и т. д.[2]).

---

[1]) Д. Моск. охр. отд. № 1090, 1901 г., т. 2, л. 153. Рапорт Трепова Моск. ген.-губ. от 7 апреля 1902 г. за № 4205.

[2]) Дела Моск. охр. отд., № 725, 1903 г.; № 453, 1903 г.; №№ 722—726, 1903 года.

Утверждение всех этих обществ министерством внутренних дел последовало в начале 1904 г., но фактически работать они начали с момента подачи прошения о регистрации.

Деятельность их заключалась в улаживании различных конфликтов между фабрикантами и рабочими, устройстве еженедельных общих собраний и частных семейно-танцовальных вечеров.

О-во взаимопомощи рабочих в кондитерском производстве организовало артель кондитеров и кассу взаимопомощи, но последняя продержалась лишь до 16 ноября 1905 г. и затем распалась.

Московский генерал-губернатор, Сергей Александрович, исходатайствовал «обществу взаимопомощи рабочих механического производства» у Плеве из 12.000.000 фонда беспроцентную ссуду в 20.000 руб.[1]). Когда началась русско-японская война «общества» эти устраивали патриотические шествия и предполагали устроить комитет по сбору пожертвований в пользу семейств рабочих, ушедших на войну, но Трепов отказался утвердить его, считая, что эти новые обязанности будут излишним бременем для молодых организаций.

В начале 1904 г. в Москву приезжал из Петербурга Гапон, который предложил московской организации ткачей об'единиться с петербургской организацией и выбрать для этого делегата. Будучи поражен большой зависимостью моск. об-ва ткачей от администрации, он предложил им в 3-месячный срок исходатайствовать в Петербурге

---

[1]) Д. Моск. охр. отд. № 727, 1903 г., отнош. моск. ген губ. от 7 янв. 1904 г. № 87.

новый устав. Однако, он натолкнулся на противодействие председателя Красивского, отказавшегося вести с ним какие-либо переговоры по этому поводу.

Зубатовские «о-ва взаимопомощи» пережили своего творца: они существовали и тогда, когда Зубатов пал; некоторые из них пережили и 1905 г. и закрылись лишь в начале войны 1914 — 1917 г. г., но число членов и влияние их потом было незначительно.

Под влиянием зубатовщины, соц.-дем. работа в Москве стала почти невозможной. Увлечение мирным движением, не сулившим ни тюрьмы, ни ссылки, было одно время среди рабочих весьма значительно. Провокация была сильно распространена, и всякие попытки поставить нелегальную работу быстро проваливались. Выступления социал-демократов на зубатовских собраниях немедленно влекли за собой аресты. Вот как характеризует работу в Москве в те годы А. И. Ульянова-Елизарова: «Зубатовщина повлияла на распыление движения Москвы, создав кустарничество. Боязнь провокаторства заставляла часто обособляться, и стремление к об'единению натыкалось часто на кружки, которые, как кроты, залезали упорно в землю, отказываясь от идеи об'единения. О многих кружках мы узнавали только после их провалов, некоторые маячили где-то неподалеку, но не поддавались выяснению и сближению; с некоторыми встречи происходили в рабочих низах, в том подпольи, из которого подкапывалось здание само-

державия. Несомненно, что кустарничество было связано и с экономизмом, но, может быть, именно из-за него борьба между политическим и экономическим направлением не выразилась так ярко, как в Петербурге»[1]).

Нелегальная социал-демократическая пропаганда в те годы в Москве почти совершенно прекратилась. Некоторый просвет появился только в 1903 году.

Почему в Москве «зубатовщина» могла найти для себя удобную почву, принять столь большие размеры и продержаться столь долгое время? Об'яснение этого следует искать в состоянии промышленности. 1899 — 1902 годы были временем сильнейшего кризиса. Безработица приняла огромные размеры. Фабрики сокращали производство. В этих условиях стачками добиться каких-либо улучшений было нельзя. Рабочее движение неизбежно должно было сократиться. Масса поэтому охотно поверила, что ей, быть может, удастся улучшить свое положение при помощи полицейского вмешательства.

Рабочие, увлекавшиеся зубатовщиной, большей частью лишь незадолго перед тем порвали с землей, с деревней; это — серые, несознательные, не затронутые социал-демократической пропагандой элементы. Правда, среди них попадались и бывшие социал-демократы, как напр., Афанасьев и др., но их было очень мало, это — одиночки.

Рабочие искренно заблуждались и полагали, что правительство хочет их защитить от силь-

---

[1]) Сборник „На заре рабочего движения в Москве", ст. „Воспоминания", стр. 128.

нейшей эксплоатации фабрикантов. О том, как отражалась зубатовская политика в умах рабочих, свидетельствуют показания арестованного в Московской губернии ткача Янченкова. «Если союз ткачей решит открыть отделение на фабрике, — сказал он, — рабочие не будут спрашивать разрешения об отводе им помещения ни хозяина, ни конторы, ни станового пристава, ни исправника, а выберут сами подходящее место, так, например, приказчичье собрание, в котором может поместиться до 1000 человек, и будут там собираться, а в случае притеснений прямо обратятся к «Булыгину» (московскому губернатору). В заключение своего показания Янченков присовокупил, что прошло время, когда были рабовладельцы и рабы и когда рабы, уподобляясь пчелам, кормили своих господ задарма: «теперь и рабы будут жить, как господа» [1]).

По существу своему зубатовщина в Москве была большой авантюрой. Интересно, что уставы зубатовских обществ министерством внутренних дел были утверждены лишь в 1904 году. И вот, не выжидая утверждения их, организации эти втечение нескольких лет развивают большую деятельность. Осуществить свой план легального рабочего движения, в явный обход закона, Зубатову и Трепову удается лишь благодаря поддержке Сергея Александровича, правившего Москвой, точно своей вотчиной.

---

[1]) Д. ист. рев. арх., быв. деп. пол. № 810, ч. 1, 1901 г., ос. отд., записка фабрикантов о волнениях рабочих на фабрике компании Богородско-Глуховской мануфактуры в Богородском уезде Моск. губ. в мае 1902 г.

Зубатовщина, несомненно, имела и свою положительную сторону. Ее можно усмотреть в том, что организации, созданные ею, были первыми легальными организациями рабочего класса в России, подготовившими почву для будущих профессиональных союзов, столь развившихся в1905—1907 г.г.

Зубатовщина из Москвы перебросилась в Минск, Одессу и др. места. Слухи о легальном рабочем движении в Москве дошли до промышленных мест Ярославской, Нижегородской, Владимирской, Пермской и др. губерний и волновали там рабочих.

ГЛАВА II

Зубатовщина и еврейское рабочее движение

В 90-х годах в Северо-западном крае среди еврейского пролетариата происходило массовое рабочее движение на экономической почве. Социал-демократическая пропаганда и агитация велись в обширных размерах «Бундом» («Всеобщий еврейский рабочий союз в Польше, Литве и России»), образовавшимся в 1897 году.

Интенсивный рост революционного движения среди еврейских рабочих привлек сугубое внимание департамента полиции. Вся розыскная деятельность в Северо-западном крае была теперь сосредоточена в Москве и поручена начальнику тамошнего охранного отделения — С. В. Зубатову, который поставил себе целью уничтожить, вырвать «Бунд» с корнями.

Зубатов усовершенствовал дело полицейской агентуры. Он наводнил район деятельности «Бунда» многочисленными своими агентами, которые по телеграфу и почтою сообщали ему результаты своих наблюдений. Местные жандармские власти были совершенно отстранены от наблюдения за еврейским рабочим движением.

Летом 1898 года С. Зубатову удалось арестовать около 70 бундовцев, накрыть типографию и много нелегальной литературы.

Среди арестованных оказались видные и старые работники «Бунда». Долгие разговоры с ними, носившие весьма откровенный характер, сильно повлияли на заключенных: одни несколько поколебались в своих прежних убеждениях, другие же безоговорочно стали горячими и восторженными поклонниками Зубатова; мало-кто устоял против его красноречия.

Несмотря на то, что против привлеченных к следствию в результате провала 1898 года имелись серьезные улики, они отделались ничтожным наказанием: отданы были под надзор полиции, лишь несколько человек пошло в Сибирь на поселение. Очевидно, Зубатов хотел дать возможность своим последователям поскорее приложить на практике его идеи.

Он не ошибся в своих надеждах: едва они вернулись обратно в Минск, как начали усиленную пропаганду. «Зубатовцы» вступили в старую организацию и, таким образом, разлагали «Бунд» изнутри.

Они имели среди еврейских рабочих большой успех. Влияние их быстро возрастало. К августу 1901 года они завоевали шесть цехов: переплетчиков, слесарей, столяров, каменщиков, щеточников и жестяников. «Зубатовцы» вели свою агитацию вполне открыто, уверенные в полной своей безнаказанности.

В среде минской организации «Бунда» они со стороны некоторой ее части встретили сильный

отпор. Борьба велась с большой страстностью и ожесточением, обвинения сыпались друг на друга. О ее характере и содержании дают представление прокламации, выпущенные в 1901 году минской организацией «Бунда»[1]).

Чувствуя себя достаточно прочными, «зубатовцы» решили выйти из «Бунда» и создать новую политическую партию. Летом 1901 года они выпустили манифест и программу «Еврейской Независимой Рабочей Партии»[2]).

Вскоре после выпуска манифеста и программы, цехи, находившиеся под влиянием «независимцев», обратились к начальнику минского жандармского управления, полк. Васильеву, с просьбой разрешить «совещание рабочих под руководством авторитетных лиц, по примеру Москвы», и одновременно к губернатору—с ходатайством об утверждении проекта клуба минских ремесленников.

Они намерены были открыть мастерскую для безработных членов, издавать на еврейском языке газету, хотя бы еженедельную, распространять легальные книжки, оказывать юридическую помощь под руководством «уважаемых в городе опытных юристов, соответствующих группе по своему направлению», и т. д.

«Независимцы» устраивали еженедельно совершенно открыто большие собрания рабочих в громадном зале «Париж». Бундовцы пробовали выступать на этих собраниях, они критиковали взгляды

---

[1]) См. ст. Н. А. Бухбиндера „Еврейская Независимая Рабочая Партия" („Красная летопись" № 2—3), где в приложениях приведены эти прокламации.

[2]) Во главе минских „независимцев" стояли: М. Вильбушевич, Ю. Волин, Гольдберг, Чемериский и др.

«независимцев» и развивали свою, революционную программу. Однако, через день-два их арестовывали и ссылали в Сибирь. Оказывалось, что на собраниях «независимцев» присутствовали «царевы очи и уши», посылаемые их друзьями в голубых мундирах.

Под влиянием агитации «независимцев», в Минске почти не прекращались стачки. Владельцы мелких ремесленных предприятий, осведомленные о связи «независимцев» с полицией, шли на уступки. В короткое время «независимцам» удалось добиться в целом ряде предприятий значительных улучшений для рабочих. Успехи эти содействовали быстрому росту числа стачек, и вскоре стал наблюдаться какой-то стачечный спорт.

«Независимцы» поддерживали постоянный контакт с начальником минского жандармского управления, Васильевым, и начальником московского охранного отделения, Зубатовым.

Виднейшей фигурой в «Еврейской независимой рабочей партии» была Мария Вильбушевич. В 1900 году она была арестована за участие в еврейском рабочем движении. Экзальтированная, нервная, истеричная молодая девушка всецело подпала под влияние Зубатова: долгие разговоры с ним сделали ее восторженной его поклонницей. На допросах она давала самые подробные показания.

В архиве департамента полиции сохранились копии нескольких писем, присланных М. Вильбушевич Зубатову. На основании их можно предпо-

ложить, что М. Вильбушевич была совершенно бескорыстно деятельным пособником жандармской деятельности С. Зубатова: держала департамент «в курсе дела», знакомила его со всеми подробностями хода движения и т. д.

«Еврейская независимая рабочая партия» многим обязана ей. Вильбушевич обладала большими организаторскими способностями и неисчерпаемой энергией. К тому же, она была прекрасный оратор.

Впоследствии, когда «Еврейская независимая рабочая партия» распалась, Вильбушевич уехала в Палестину, где примкнула к сионистам.

Летом 1902 года минские «независимцы» попытались пропагандировать «зубатовщину» в Вильне. Туда был послан Чемериский и двое рабочих.

В Вильне Чемериский повел очень энергичную деятельность. Часто устраивал собрания — большие и малые,— не уставая посещал те, которые созывались сионистами и бундовцами, организовал маленькую группу «независимцев», занявшуюся распространением литературы.

Однако, его ожидала полная неудача. Незадолго до приезда Чемериского в Вильне имело место избиение 1-го мая демонстрации, применение к демонстрантам телесного наказания, покушение на виленского генерал-губернатора фон-Валя и казнь Леккерта, и виленские рабочие крайне враждебно встречали всякое намерение, исходившее от властей. «Независимцев» же считали провокаторами, агентами Зубатова.

В феврале 1903 года «независимцы» совершенно покинули Вильну, понеся полное поражение.

Одно время «независимцы» несомненно имели большой успех. В частности — в таком центре еврейского рабочего движения, как Минск.

Чем он об'ясняется?

Прежде всего быстрому росту влияния «независимцев» благоприятствовали наблюдавшиеся в ту пору в ремесле и торговле большой застой и значительная безработица. «...Безработица свирепствует у нас, — писали, например, из Минска в орган «Бунда»: — безработных масса, нищета ужасная. Они бродят целыми группами бесцельно по улицам и мастерским» [1]).

Поэтому и революционные призывы «Бунда» не находили среди них отклика.

К «независимцам» примыкали либо материально лучше обеспеченные, либо по возрасту—постарше.

Забитых нуждою и голодом еврейских рабочих привлекали идеи зубатовцев потому еще, что они сулили им улучшение их тяжелого положения без перспективы попасть в тюрьму или ссылку, с чем неизбежно связана была нелегальная работа. В массе всегда имеется достаточно инертных, нерешительных и колеблющихся людей, и они-то заполняли ряды «независимцев».

Затем, их успеху содействовало то, что «Бунд» в это время переживал переходный момент, который порождал сомнения и колебания среди бун-

---

[1]) „Посл. Изв". № 113.

довцев. Экономическая борьба в «черте еврейской оседлости» приостановилась. Она не могла в дальнейшем дать еврейскому пролетариату новых положительных результатов, так как прежней борьбой было выиграно все, что можно было получить. Если бы она и дальше продолжалась, то ремесло в «черте оседлости» было бы разорено, и образовалась бы большая безработица. Далее, «Бунд» перешел от экономической борьбы к политической. Организации стали более конспиративными. Многие рабочие вследствие этих обстоятельств оказались вне организаций.

«Еврейская независимая рабочая партия» просуществовала до июля 1903 года.

Распад ее произошел под влиянием разных причин: значительную роль сыграла здесь неустанная агитация «Бунда», благодаря которой от «независимцев» отошла рабочая масса. Немалую роль сыграл Кишиневский погром и, наконец, прямой приказ Плеве, переданный «независимцам» Зубатовым, о полном приостановлении легального еврейского рабочего движения.

Члены недавней организации «независимцев» частью вошли вновь в «Бунд», а частью — в «Сионистско-социалистическую партию» и в «Поалей-Цион».

ГЛАВА III

«Зубатовщина» в Одессе

Из Минска и Вильны «зубатовщина» перебросилась в Одессу.

Почти одновременно с Чемериским в Вильне начал работу в Одессе «независимец» Меер Каган. Видный работник местной социал-демократической организации, разыскиваемый властями, он скрылся в Минск. Здесь он увлекается «зубатовщиной» и решает насадить ее в Одессе. Рабочие встретили Кагана крайне враждебно, считая его провокатором.

Позже из Минска в Одессу был командирован для «работы» видный «независимец» Ю. Волин. Человек с организаторскими способностями, он широко поставил пропаганду «зубатовщины». Ему удалось сорганизовать в Одессе «Независимую Рабочую Группу»[1]).

Однако, вскоре за какое-то темное дело Волин был исключен «независимцами» из своей среды. Его сменил Хуна Шаев Шаевич. Он именовал себя

---

1) См. письма Ю. Волина из Одессы в книге Н. А. Бухбиндера „История еврейского рабочего движения в России, стр. 230—231 и 234.

доктором философии и государственных наук, но в Одессе упорно распространялись слухи о его самозванстве. До увлечения идеею легального рабочего движения Шаевич был сионистом и ездил делегатом в Минск на всероссийский с'езд сионистов. В Минске Шаевич познакомился с М. Вильбушевич и по ее поручению взялся создать в Одессе отдел «независимцев».

Среди сионистов в Одессе Шаевич был видной фигурой. Он был председателем кружка «Oir Zion», сорганизовал издательство сионистской литературы «Гатхио» и принимал большое участие в библиотечной комиссии одесской сионистской организации. Шаевич играл руководящую роль в местном сионистском движении: при аресте у него была взята обширная переписка с различными сионистскими деятелями.

То, что будучи «независимцем» он не порвал с сионистским движением, представляет крайне любопытный штрих для обрисовки идейной физиономии этого политического деятеля: Шаевич вполне искренно полагал, что, борясь с «Бундом», он творит еврейское национальное дело, что уничтожение этой организации создаст почву для здоровой национальной жизни евреев. Этим путем он надеялся привлечь на сторону сионистов еврейских рабочих, которые упорно отказывались примкнуть к этой партии.

В прокламациях одесских «независимцев» много говорилось о развитии классового сознания пролетариата, об об'единении и организации его для борьбы за экономические улучшения, но старательно замалчивалась действительная цель, к

которой они стремились и которая заключалась в том, чтобы всеми средствами разрушить революционную организацию еврейского пролетариата — «Бунд»— и вовлечь еврейских рабочих в сионистскую партию. Эта задача «независимцев» с полной определенностью выступает в сохранившейся в бумагах Шаевича записке: «Еврейская независимая рабочая партия, ее программа, история и значение для национального возрождения еврейского народа»[1]).

Одесские «независимцы», в отличие от минских и виленских, вели пропаганду не только среди еврейского пролетариата, но и среди русского.

«Независимцы» образовали в Одессе «Союз машиностроительных и механических рабочих», который вскоре стал вмешиваться во взаимоотношения хозяев и рабочих. Вместе с тем они действовали от имени «Одесского независимого рабочего комитета», ставя на своих воззваниях печать с таким наименованием.

В помощь Шаевичу приезжали из Минска Вильбушевич и Чемериский.

Влияние «независимцев» в Одессе быстро росло. Действовали они полулегально: открыто администрация не давала им разрешений на устройство собраний и т. д., но и не преследовала за это. Департамент полиции уведомил одесское жандармское управление о том, что «давать этим лицам официальное разрешение на устройство сходок и собраний и распространение воззваний, а равно и

---

1) См. ст. Н. А. Бухбиндера „О зубатовщине", „Красная Летопись" № 4, где она целиком напечатана.

оказывать им какое бы то ни было содействие представляется неудобным, но тем не менее казалось бы возможным, не преследуя за означенные действия, отнестись к ним с терпимостью».

Деятельность Шаевича в Одессе, по словам Зубатова, была «энергична и осмысленна» [1]).

Пользуясь покровительством начальника местного охранного отделения, Шаевич быстро развернул свою деятельность.

Под давлением «независимцев», имели место стачки в небольшой механической мастерской Прива и на консервной фабрике Соколовского. В апреле происходила, под влиянием Шаевича, очень продолжительная, упорная и сопровождавшаяся насилиями над штрейкбрехерами забастовка на заводе Ресселя, однако, проигранная рабочими.

1 июля началась стачка среди портовых рабочих, пред'явивших экономические требования. К ним присоединились кучера и кондуктора конно-железной дороги, железнодорожники, рабочие парового трамвая, каменоломен, ссыпщики зерна, рабочие нескольких заводов и фабрик; к 15-му июля стали все фабрики, заводы, типографии газет. Многие ремесленные заведения, электричество, хлебопекарни, рестораны, железная дорога с Киевом приостановилась, почта не доставлялась, ожидали приостановки и телеграфа. Стачка стала всеобщей. Происходили митинги в 8000 человек.

Стачка была вызвана агитацией «независимых», не предвидевших возможности того, что она может принять такие грандиозные меры.

---

[1]) Д. ист.-рев. арх., б. деп.-та пол. № 538, о. о., 1908 г.

Вскоре они потеряли всякое влияние на ход забастовки, и последняя приняла стихийный характер.

Вначале забастовавшие рабочие выставляли исключительно экономические требования, но потом, под давлением социал-демократии, рабочие присоединили к ним и политические требования.

«Независимцы», видя рост влияния социал-демократии на стачечников, энергично боролись против этого и старались придать движению экономический характер. Об этом свидетельствуют прокламации Одесского Комитета РСДРП и сохранившиеся архивные документы — доклады начальника одесского охранного отделения, Васильева.

Из Одессы в департамент полиции беспрерывно поступали тревожные известия о серьезности положения.

«Забастовка постепенно переходит во всеобщую. Рабочие все более возбуждаются. Вчера забастовавшие были на некоторых фабриках, снимая людей с работы. Сегодня два раза вызывалась полиция разгонять толпу. Сегодня тысяч восемь собралось за городом, вызвана сотня, три роты; девять рот наготове в лагере. Революционные организации подбивают к беспорядкам. Комиссия под председательством градоначальника рассматривает требования рабочих, намереваясь, что можно, удовлетворить. Положение стало серьезным. Ротмистр Васильев».

Плеве требовал от одесских властей принятия против забастовщиков самых решительных мер.

«Одесса. Градоначальнику. Предлагаю вам принять самые энергичные меры против лиц, подстре-

кающих к забастовке, в том числе и к независимцам, и водворить порядок на улицах, хотя бы с употреблением оружия. Министр внутренних дел Плеве»[1]).

В другой раз Плеве телеграфировал одесскому градоначальнику, между прочим: «Ваши переговоры с трамвайными забастовщиками считаю *действиями ошибочными*, так как при наличии бесчинств толпы следует проявлять заботу *не о рабочих, а о поддержании порядка*. Вообще, продолжаю находить, что *должной энергии не проявляется. Заранее одобряю всякую решительную меру.* Министр внутренних дел Плеве»[2]).

Лопухин предложил одесским властям удовлетворить экономические требования стачечников.

Рост движеия испугал Плеве, и он решил принять репрессивные меры и по отношению к «независимцам».

21 июля 1903 года в Одессе был арестован Шаевич и отправлен через Москву в Вологду. Особое совещание постановило выслать его в Восточную Сибирь, в Колымский край, Якутской области, на пять лет, считая с 28 августа 1903 года.

По дороге в ссылку Шаевич остановился в Красноярске и по свидетельству врача был оставлен здесь до весны. Находясь в Красноярской тюрьме, Шаевич вел среди заключенных монархическую агитацию. В декабре 1903 года Шаевич вместе с

---

[1]) Д. ист.-рев., № 4, ч. 10, л. Г, 1903 г., о. о, л. 83, телеграмма от 17 июля 1903 г.

[2]) ibid., л. 106-б, курсив подлинника.

некоторым другими заключенными Красноярской тюрьмы отслужил молебен за здравие Николая II и просил начальника тюрьмы «повергнуть к стопам е. и. величества выражение верноподданнических чувств» [1]). Подкупленный его поведением, начальник Красноярской «охранки» даже возбудил в январе 1904 года ходатайство пред департаментом полиции об освобождении Шаевича из тюрьмы и отдаче его под надзор полиции в г. Красноярске. Однако, Лопухин счел это невозможным и отклонил ходатайство [2]).

По манифесту 11 августа 1904 г. Шаевич был освобожден от ссылки в Восточную Сибирь, гласного надзора полиции; ему было запрещено жительство в Одессе и столицах на 5 лет.

С арестом Шаевича организация «независимцев» в Одессе прекратила свое существование.

Помимо Москвы, Минска, Вильны и Одессы, последователями С. Зубатова велась агитация в Бобруйске, Двинске, Киеве, Екатеринославе и др. городах. Но об этих попытках насаждения «зубатовщины» сохранились отрывочные и крайне неполные сведения.

---

1) Д. ист.-рев. арх., № 2234, 1904 г. III дел.

2) Д. ист.-рев. арх., № 1390, о. о., 1903 г., л. 1.

ГЛАВА IV

С. Зубатов и Г. Гапон — 9 января

В 1902 году Зубатов за успехи в борьбе с рабочим движением был переведен в Петербург и назначен чиновником особых поручений при департаменте полиции и заведующим особого отдела того же учреждения.

Он решил и в Петербурге насадить организацию сторонников «полицейского социализма». Его агенты — Соколов, Пикунов, Ушаков и другие — осенью 1902 года начали вести среди петербургских рабочих соответствующую пропаганду. С одобрения Зубатова, они устраивали в рабочем районе — на Выборгской стороне — собрания рабочих. Тогда же они приступили к организации зубатовского «Общества взаимопомощи рабочих» по примеру существовавшего в Москве.

Однако, успеха они не имели. Петербургские рабочие, стоявшие по своему развитию несомненно выше московских, быстро разобрались в сущности «зубатовщины». Сознательные рабочие, члены этих собраний, потребовали исключения из «общества взаимопомощи» агентов полиции, пополнения библиотеки произведениями Маркса и Энгельса и т. д.

Петербургские зубатовцы попытались было вмешиваться в конфликты, возникавшие на некоторых фабриках и заводах между хозяевами и рабочими, но встретили сильное сопротивление со

стороны фабрикантов, опиравшихся на министерство финансов, боявшееся повторения в Петербурге московских опытов.

Зубатовская организация в Петербурге влачила жалкое существование; позже, когда Зубатов был уволен из департамента полиции, она совершенно распалась.

Собрания рабочих, устраивавшиеся зубатовцами, часто посещал священник Георгий Гапон. Он легко сближался с рабочими, интересовался самыми мелкими подробностями их жизни, посещал их на дому, со всеми был приветлив, оказывал различные услуги, нуждающимся помогал деньгами. Гапон вскоре стал очень популярен среди петербургских рабочих.

Зубатов, следивший за деятельностью созданной им «рабочей организации», обратил внимание на Гапона. Он решил использовать его для своих целей. В конце 1902 года Зубатов познакомился с Гапоном. Они быстро сошлись. Гапон всецело подпал под влияние Зубатова. Он часто посещал Зубатова на дому. Зубатов, видя малое знакомство Гапона с рабочим вопросом, снабжал его литературой — легальной и нелегальной. Между ними установились близкие, дружеские отношения. При содействии Зубатова Гапон познакомился с Плеве, Лопухиным и целым рядом видных чиновников департамента полиции. Вскоре Гапон начал получать через посредство Зубатова от департамента полиции по 100 рублей в месяц за полезную для самодержавия деятельность среди рабочих.

Когда в 1903 году Зубатов был уволен из департамента полиции и выслан из Петербурга, Га-

пон не порывал своих сношений с департаментом полиции. Он теперь нашел сильного покровителя в лице Плеве. С его одобрения, Гапон решил развернуть в больших размерах пропаганду «полицейского социализма». Он мечтал о том, чтобы покрыть всю Россию своими организациями.

В феврале 1904 года Плеве утвердил устав гапоновской организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга». С этого момента начинается новый период в зубатовщине — гапоновщина.

Согласно уставу, «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» учреждается: а) «для трезвого и разумного провождения членами Собрания свободного от работ времени с действительной для них пользой как в духовно-нравственном, так в материальном отношениях; б) для возбуждения и укрепления в среде членов-рабочих русского национального самосознания; в) для образования и развития в них разумных взглядов на обязанности и права рабочих и, наконец, г) для проявления членами «Собрания» самодеятельности, способствующей законному улучшению условий труда и жизни рабочих».

Гапоновская организация имела большой успех. Количество членов чрезвычайно быстро росло. К концу 1904 года оно имело около 12 тысяч членов и 11 отделений. Отделы открывались и существовали почти исключительно на деньги департамента полиции.

«Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» устраивали танцовальные вечера, библиотеки нелегальных книг, в них чита-

лись лекции, велись собеседования, но исключительно по экономическим вопросам. «Политики» не касались. Интеллигенцию, партийную и беспартийную, Гапон не пускал в отделы, боясь их влияния на рабочих.

Рабочие массами хлынули в гапоновскую организацию. Это можно об'яснить сильной тягой к самодеятельности, которая в это время наблюдалась среди рабочих.

Среди гапоновцев было много женщин. Гапон понимал, что для успеха его организации необходимо привлекать туда и женщин. Всей работой среди женщин руководила энергичная, интеллигентная работница, В. М. Карелина. Она организовала особые женские отделы. Накануне 9 января их было уже три, членов они имели свыше 1000.

Как мы выше сказали, среди массы, наполнявшей гапоновскую организацию, преобладали аполитичные настроения. Но со-временем она стала леветь.

Неудачи русских во время войны с Японией, убийство Плеве, наступившее оживление в русском обществе, банкеты, земское движение, студенческие волнения и т. д., — все это в сильной мере влияло на членов гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Начали усиливаться среди них оппозиционные настроения. Образовались группы («газетный кружок»), которые следили за ежедневной прессой, читали нелегальную литературу, изучали «Капитал» Маркса. Среди рабочих начались разговоры о необходимости борьбы за 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы и т. д.

Видя рост оппозиционных настроений среди членов своей организации, Гапон, поддаваясь их влиянию, высказал близким своим товарищам мысль о необходимости подачи царю петиции о нуждах рабочего класса. Гапон в данном случае хотел лишь последовать адвокатам, земцам и другим, подававшим в те дни властям подобные петиции.

В конце декабря 1904 года произошло событие, сыгравшее огромную роль в жизни гапоновцев. На огромном, многотысячном Путиловском заводе гапоновцы имели большой успех. Многие путиловцы вступили в «Собрание русских фабрично-заводских рабочих». Администрация завода относилась враждебно к гапоновской организации. Желая прекратить дальнейшее увлечение путиловцев «Собранием русских фабрично-заводских рабочих», она уволила 4 рабочих за их принадлежность к этой организации. Массы гапоновцев были сильно возбуждены поступком администрации завода. Гапон считал это увольнение вызовом по отношению к «Собранию русских фабрично-заводских рабочих» и находил, что следует непременно добиться обратного принятия уволенных товарищей. На совещании представителей 11 отделов решено было послать депутацию к директору Путиловского завода Смирнову, градоначальнику Фуллону и фабричному инспектору Чижову. Смирнов ответил отказом, Фуллон обещал содействовать, Чижов же ответил уклончиво. 21 декабря Гапон вновь посетил Чижова и Фуллона, но опять-таки безрезультатно. Видя безуспешность депутаций, Гапон, под давлением масс, решил призвать

рабочих к забастовке. 3 января началась забастовка на Путиловском заводе, 4 и 5 января стали все крупные и многие мелкие предприятия, 7 января забастовка коснулась всех фабрик и заводов Петербурга.

Тогда же Гапон бросил в массу лозунг — итти всей многотысячной толпой членов «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» к царю, искать у него помощи. Решено было изложить нужды рабочего класса в петиции, которую предполагалось подать государю 9 января. Петиция содержала, между прочим, следующие требования: 8-часовой рабочий день, амнистию, свободу слова, печати, собраний, совести, отделение церкви от государства, ответственность министров перед народом, отмену косвенных налогов, прекращение войны, отмену института фабрично-заводских инспекторов, учреждение на заводах и фабриках постоянных выборных комиссий рабочих для разбора конфликтов, свободу профсоюзов, свободу борьбы с капиталом, установление нормальной заработной платы, участие рабочих в выработке законопроекта о государственном страховании, общее и обязательное народное образование на государственный счет, отмену выкупных платежей, дешевый кредит и постепенную передачу земли народу и т. д.

Мысль о подаче мирной демонстрацией петиции царю вполне соответствовала настроению масс. Она была восторженно принята во всех отделах гапоновской организации. «С раннего утра до поздней ночи в этих отделах толпились рабочие, мужчины и женщины, старики и дети; масса наро-

да не помещалась в зданиях, тысячные толпы стояли на улице. Внутри помещения руководители читали петицию, раз'ясняя ее рабочим. Когда одна толпа, наполнявшая зал, выслушивала петицию и об'яснения, какие давались ораторами, и выходила, ее сменяла другая, чтобы затем уйти, дав место третьей, и так иногда втечение круглых суток. Рабочие слушали, хором выражая свое согласие с теми требованиями и дополнениями, какие читались ораторами, вносили поправки и дополнения, и с каждым часом их настроение становилось все сознательнее, левее и решительнее»[1]).

Очень хорошо передает настроение масс корреспондент большевистской газеты «Вперед». Вот что он пишет: «Возбуждение страшное. Оратор рабочий чуть-ли не 10-й раз читает петицию перед все меняющимися рядами слушателей (зал собрания вмещает до 700 человек, и весь он битком набит) и обращается все с тем же вопросом: «смеют ли полиция и солдаты не пустить нас, товарищи»? — «Не смеют», — гремит ему в ответ гул 700 голосов. «Товарищи», — продолжает оратор, — «лучше умереть нам за наши требования, чем жить так, как жили до сих пор».—Умрем»,—несется в ответ. — «Все ли клянетесь умереть?» — «Клянемся». —«Кто клянется, пусть подымет руку». Сотни рук дружно подымаются в воздух. «Товарищи, а тем, кто клянется умереть сегодня, а завтра струсит, не пойдет с нами...» — «Проклятие», — гремит толпа [2]).

---

1) В. Невский. Январские дни в Петербурге в 1905 г. „Красная Летопись“ № 1.

2) Там же.

9 января огромные, тысячные массы народа двинулись из всех отделов по направлению к Зимнему дворцу, где предполагалось подать петицию царю. Во главе самого многолюдного — Нарвского отдела шел Гапон.

Демонстрация носила характер крестного хода. Впереди несли хоругви, иконы, портреты государя.

Город имел вид военного лагеря. На всех улицах были расположены войска.

Офицерам властями был отдан тайный приказ расстреливать мирные толпы демонстрантов.

И действительно, лишь только демонстрации отошли на некоторое расстояние от своих районов, как расположенные поблизости войска открыли стрельбу.

Произошло страшное смятение в мирно настроенной и безоружной толпе.

В этот день в различных районах было убито свыше 200 человек и ранено более 800.

Гапон уцелел и убежал заграницу [1]).

9 января сыграло огромную роль в росте в стране революционных настроений. В этот день была расстреляна наивная вера в русского царя и в глазах самых отсталых, неразвитых рабочих-гапоновцев. 9 января началась великая революция 1905 — 1907 г.г.

9 января была похоронена последняя попытка «зубатовщины» — гапоновщина.

---

[1]) В октябре 1905 г. Гапон вернулся в Россию и поступил на службу к царскому правительству. В 1906 г. он был убит, как провокатор, рабочими.

Приложение I.

Манифест и программа «Еврейской Независимой Рабочей Партии».

Еврейская Независимая Рабочая Партия.

Взгляды партии.

I. Мы полагаем:

а) что никакая теория не настолько могущественна и неопровержимо верна, чтобы давать право своим приверженцам вести бессознательную массу за собою к цели, которой масса не понимает;

б) что еврейский рабочий класс в настоящее время требует хлеба и знаний, и что эти требования должны быть удовлетворены;

в) что *преступно* приносить в жертву материальные интересы рабочего класса таким политическим целям, которые в настоящее время ему чужды;

г) что рабочий, как всякий человек, имеет право быть сторонником какой ему угодно политической партии и все-таки имеет право защищать свои экономические и культурные интересы и быть вполне равноправным членом в экономических и культурных организациях;

д) что экономические и культурные организации должны стать ему необходимы, как воздух и вода, регулировать его экономические интересы, доставлять ему знания, и что таковыми они могут стать только тогда, когда они будут целями сами по себе, а не служить орудием какой бы то ни было политической партии.

II. Мы находим ненормальным современное положение вещей, при котором экономические организации находятся под руководством преимущественно политического по своим целям «Бунда», потому что:

а) экономическая деятельность является для «Бунда», главным образом, средством революционизировать рабочую массу, и потому «Бунд» намеренно игнорирует в своей экономической деятельности многие безусловно полезные для рабочей массы мероприятия;

б) «Бунд», принимая рабочего, ищущего только хлеба и знаний, в свои, на взгляд массового рабочего, чисто экономические организации, навязывает рабочему свои политические взгляды и стремления, не считаясь с его психикой, привязанностями и стремлениями. Рабочих с не-«бундовскими» взглядами в экономические организации «Бунд» не принимает, а инертно-консервативную часть рабочей массы отпугивает своей репутацией политической партии. В результате, подобная тактика «Бунда» вредит организованной массе и жестоко поступает с остальными рабочими, которые тоже ищут союза со своими организованными товарищами;

в) «Бунд» развивает рабочих односторонне, ограждая их от не-«бундовских» взглядов, и таким образом, вносит в рабочую массу дух умственного порабощения;

г) «Бунд» не допускает в рабочие массы интеллигентные полезные силы, с его политическими взглядами несогласные. «Бунд» исполнил великую историческую миссию, развив дух недовольства своим экономическим положением в рабочем классе, но когда это достигнуто и вся рабочая масса стремится к организации, сделалось невозможным держать экономическую и культурную деятельность в политических тисках «Бунда».

Программа партии.

1) Еврейская Независимая Рабочая Партия имеет целью поднятие материального и культурного уровня еврейского пролетариата посредством культурно-экономических организаций как нелегальных, так и легальных, по мере возможности. На практике эта цель сводится: а) к развитию широких экономических организаций (трэд-юнионов, касс, клубов, ассоциаций), б) к развитию среди рабочего класса научных и профессиональных знаний и к воспитанию его для коллективной жизни.

2) Партия в целом не выставляет себе никаких политических целей и касается политических вопросов лишь в той мере, поскольку они затрагивают повседневные интересы рабочих.

3) Партия об'единяет для экономической и культурной деятельности рабочих всяких политических взглядов и совсем без таковых.

4) Организация партии демократическая, т.-е. управляется снизу, а не сверху.

Приложение II.

Департамент полиции о гапоновской организации.

СПРАВКА[1]).

Устав Собрания Русских фабрично-заводских рабочих в С.-Петербурге утвержден Министерством Внутренних Дел 15 февраля сего года по ходатайству проживающего в С.-Петербурге кандидата богословия священника Георгия Гапона.

Собрание имеет целью предоставлять своим членам возможность разумно и трезво проводить свободное от работ время, а также распространять среди рабочего населения на началах русского национального самосознания просвещение и способствовать улучшению условий труда и жизни рабочих. Для достижения этих целей Собранию, с надлежащего на то разрешения, предоставляется устраивать еженедельные собрания для разумного и всестороннего обсуждения нужд членов Собрания, образовывать в своей среде светский и духовный хоры, устраивать концерты и семейно-вокальные и литературные вечера, учреждать разного рода просветительные предприятия, как-то: библиотеки и читальни, народные чтения, беседы и лек-

---

[1]) Справка эта составлена была департаментом полиции для доклада Николаю II. Д. деп. пол. № 801, 1901 г. и № 138, 1905 г., о. о.

ции по общеобразовательным предметам, образовывать различные благотворительные и коммерческие предприятия, как-то: капитал взаимопомощи членов Собрания, похоронную книгу, чайную, потребительскую лавку и др. учреждения, способные улучшить материальное положение членов Собрания.

Действительными членами Собрания могут быть русские рабочие обоего пола, русского происхождения и христианского вероисповедования.

Ввиду исключительного характера Собрания, ему дана особая организация, гарантирующая закономерность деятельности его. В сих видах во главе Собрания поставлен особый кружок ответственных лиц, состоящий из учредителей Собрания и пополняющийся особо установленным порядком достойными того действительными членами Собрания. Руководителем этого кружка состоит Представитель Собрания, избираемый на первое трехлетие кружком, а потом Общим Собранием из интеллигентнных лиц духовного или светского звания. Представитель Собрания утверждается в должности Градоначальником и является главным его руководителем и контролером. Он считается также уполномоченным Собрания по всем его делам и ведет всю переписку Собрания.

Непосредственное управление делами Собрания принадлежит Правлению, избираемому Общим Собранием из числа членов, входящих в состав кружка ответственных лиц. Члены правления утверждаются в своих званиях Градоначальником.

СПРАВКА
Отделения по охранению порядка и общественной безопасности в С.-Петербурге.

«Собрание русских фабрично-заводских рабочих гор. С.-Петербурга» возникло из небольшого кружка рабочих, которые задались целью проявлять разумную самодеятельность честно, открыто и на легальной почве.

По предложению организатора кружка о. Георгия Гапона было законтрактовано членами кружка помещение на три года (Выб. стор. Оренбургская, д. 23), с оплатой по 55 р. в месяц, где с 30-го августа 1903 г. и была открыта чайная, первоначальное оборудование которой обошлось около 400 рублей.

Таким образом у рабочих появился свой угол, своего рода клуб, где они, хотя, повидимому и в мелком виде, но зато на самом деле, могли под руководством о. Гапона честно и открыто проявлять свою самодеятельность в области самопомощи и взаимопомощи, а также — трезво и разумно проводить свое свободное от работ время то в самообразовании, то во всестороннем обсуждении своих нужд, то, наконец, в участии на своих семейных вечерах литературно-вокального и музыкального характера.

Благодаря бескорыстному ведению дела и удачной организации контроля и ревизии по чайной, ни одна копейка рабочего не пропадала даром.

Поэтому выручка по чайной не только оправдывает расходы по помещению, но еще начали получаться небольшие денежные сбережения, которые немедленно в конце каждого месяца сдаются в Государственную Сберегательную кассу (XIX Отд.).

Такая постановка дела естественно обратила внимание на указанную чайную здравомыслящих фабрично-заводских рабочих, и кружок сравнительно быстро начал увеличиваться в своем составе.

В сентябре месяце того же 1903 года о. Гапон занялся составлением Устава «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», который и был рассмотрен членами кружка во 2-й половине октября, а 9-го ноября подан Г. С.-Петербургскому Градоначальнику. 11-го апреля 1904 года «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» официально открыло свою деятельность, согласно уставу, утвержденному Министром Внутренних Дел 15-го февраля того же 1904 года.

30-го же мая сего года состоялось открытие 1-го Отдела Собрания за Нарвской заставой в прекрасном помещении, законтрактованном также на три года (Петергофское шоссе, д. 42). Оборудование 2-го помещения с чайной обошлось 360 рублей, из коих 150 рублей были даны Особым Отделом Департамента Полиции, а 210 рублей С.-Петербургским Охранным Отделением.

В настоящее время «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» насчитывает в своем составе более 750 действительных членов.

Присматриваясь к деятельности «Собрания, невольно начинаешь верить в его жизнеспособность и в его могущее быть весьма благотворным влияние на рабочую массу: опыт жизни самого Собрания, хотя и кратковременный, служит тому порукой. И теперь уже Собрание русских рабочих ясно начинает обрисовываться, как благожелательный общественный элемент. К тому же оно все более начинает приобретать симпатии в разумно-честной среде русских рабочих. Доказательством служат усиленные просьбы действительных членов Собрания с разных концов Петербурга открыт Отделы Собрания и в их местностях, так как некоторые рабочие только из-за дальности расстояния не вступают в действительные члены «Собрания». К сожалению, последнее не обладает пока еще достаточными материальными средствами, чтобы могло израсходовать в один раз около 400 рублей на первоначальное оборудование помещения и чайной в том или другом рабочем районе г. С.-Петербурга. А между тем чайные Собрания и является первым шагом — гнездом для создания благожелательного русского рабочего элемента, стремящегося на легальной почве улучшить свое положение.

В настоящее время было бы своевременно открытие 2-го Отделения Собрания за Невской заставой, и осуществление этого задерживается лишь благодаря отсутствию средств (около 400 рублей), нужных для оборудования чайной.

Подполковник КРЕМЕНЕЦКИЙ.

Приложение III.

Петиция гапоновцев.

Государь!

Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга, разных сословий, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просили, мы желали только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука,

Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали. Нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными так же оказались наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до 8-ми в день; устанавливать цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов; увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день; отменить сверхурочные работы; лечить нас внимательно и без оскорблений; устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Все оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконно, всякая наша просьба — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для них.

Государь, нас здесь многие тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения.

Нас поработили, и поработили под покровительством твоих чиновников, с их помощью, при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за

отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, измученного человека — значит совершить тяжкое преступление.

Весь народ, рабочий и крестьяне, отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящихся об интересах народа, но попирающих эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищалого народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организоваться в союзы для защиты своих интересов.

Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть, умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты-эксплоататоры рабочего класса и чиновники-казнокрады и грабители русского народа.

Вот что стоит перед нами, государь, и это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и

твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение.

Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а к добру. как для нас, так и для тебя, государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо (народное) представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай же его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, и для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов.

Это самая главная наша просьба, в ней и на ней зиждется все; это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны сильно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти.

Но одна мера все же не может залечить всех наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо

и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России.

Необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа.

1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2) Немедленное об'явление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собрания, свободы совести в деле религии.

3) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.

4) Ответственность министров пред народом и гарантия законности правления.

5) Равенство перед законом всех без исключения.

6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной.

1) Отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

3) Исполнение заказов военного и морского ведомства должно быть в России, а не за-границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнета капитала над трудом.

1) Отмена института фабричных инспекторов.

2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые со-

вместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

3) Свобода потребительно-производительных и профессиональных рабочих союзов — немедленно.

4) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5) Свобода борьбы труда с капиталом — немедленно.

6) Нормальная заработная плата — немедленно.

7) Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих — немедленно.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организоваться для защиты своих интересов от наглой эксплоатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства.

Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее!

Библиография о зубатовщине и гапоновщине

I. Общие труды

М. Н. Покровский.—Очерк истории русской культуры.

М. Н. Покровский.—Русская история в самом сжатом очерке.

М. Н. Покровский.—Лекции по истории революционного движения в России.

Н. А. Рожков.—Русская история. Изд. „Книга“, Ленинград, 1925 г.

Н. А. Рожков.—1905 год. Изд. „Книга“, Ленинград, 1925 г.

В. И. Невский.—История Р. К. П. „Прибой“, Ленинград, 1925 г

Г. Зиновьев.—История Российской Коммунистической Партии (большевиков).

М. Балабанов.—История революционного движения в России. Госиздат Украины, 1925 г.

Б. П. Козьмин.—Рабочее движение до революции 1905 г. Изд. В. Ц. С. П. С. Москва, 1925 г.

Н. А. Бухбиндер.—История еврейского рабочего движения в России. Изд. „Академическое Издательство“, Ленинград, 1925 г.

М. Н. Лядов.—Как начала складываться Российская Коммунистическая Партия.

Н. Батурин.—Очерк истории соц.-дем. в России.

А. Ельницкий.—Рабочее движение в России. Изд. „Пролетарий“, Харьков, 1925 г.

К. И. Шелавин.—Рабочий класс и его партия. Изд. „Прибой“, Ленинград, 1923 г.

Л. Мартов.—История российской социал-демократии. Изд. „Книга“, 1923 г., 3 изд.

В. В. Святловский.—История професс. движения в России, 2 изд. Ленинград, 1925 г., изд. Ленгубпрофсовета.

Айнзафт.—Первый этап профессионального движения в России.

М. Балабанов.—Очерки по истории рабочего класса в России, ч. III, Москва, 1925 г., изд. „Экономическая Жизнь“.

Ф. Дан.—Из истории рабочего движения и соц.-дем. в России, Ростов н/Д.

Л. Троцкий.—Из истории одного года.

Л. Троцкий.—1905 г.

Парвус.—Россия и революция.

В. И. Ленин.—Собрание сочинений.

Прокопович.—К рабочему вопросу в России, СПБ. 1905 г.

Чернышев.—Рабочий вопрос в России.

Витте.—Воспоминания.

Мартов.—Развитие промышленности и рабочего движения в России. Изд. „Книга“, 1923 г.

Антошкин.—Профессиональное движение в России. Изд. ВЦСПС
С. Пионтковский.—История рабочего движения в России (1870—1917 г. г.). Изд. „Прибой“, Ленинград, 1925 г.
1905 г. Сборники под ред. М. Н. Покровского, т. II. Ст. Н. Ванага „9 января“, Гиз, 1925 г.
Общественное движение в России в начале XX в. под ред. Мартова, Потресова и Маслова. Статьи Кольцова, Дана и Маевского.
Пажитков.—Положение рабочего класса в России. Изд. „Путь к знанию“, Ленинград, 1925 г.

II. Книги и статьи о зубатовщине

Н. А. Бухбиндер. — Еврейская независимая рабочая партия „Красная Летопись“, № 2-3.
Н. А. Бухбиндер.—О зубатовщине. „Красная Летопись“ № 4.
Н. А. Бухбиндер.—Зубатовщина в Москве. „Каторга и ссылка“, № 1, 1925 г.
М. Григорьевский.—Полицейский социализм.
Д. О. Заславский.—Зубатов и Маня Вильбушевич, „Красная Новь“ 1924 г.
Озеров.—Политика по рабочему вопросу в России в последние годы. Москва 1906 г.
А. Морской.—Зубатовщина, Москва 1913 г.
Б. М. Фрумкин.—Зубатовщина и еврейское рабочее движение. Сб. „Пережитое“, т. III.
Айнзафт.—Зубатовщина и гапоновщина. Изд. В. Ц. С. П. С.
К истории зубатовщины. „Былое“, 1917 г. № 1 (23).
С. Зубатов.—Зубатовщина. „Былое“, № 4 (26) 1917 г.
М. Р. Гоц.—С. В. Зубатов. „Былое“, 1906 г., № 9.
С. И. Мицкевич.—„Зубатовщина“ в сборнике „На заре рабочего движения в Москве“.
С. Пионтковский.— Зубатовщина и социал-демократия. „Каторга и ссылка“, № 1, 1924 г.
С. Пионтковский.—Новое о Зубатовщине. „Красный архив“, т. III.

III. Г. Гапон и 9 января

Л. Гуревич.—Народное движение в Петербурге 9 января 1905 г. „Былое“, № 1, 1906 г.
В. Невский.—Январские дни в Петербурге в 1905 г. „Красная Летопись“, № 1.
Н. А. Бухбиндер.—Еврейское рабочее движение и 9 января. „Красная Летопись“, № 1.

Н. А. Бухбирдер.—Из жизни Гапона. „Красная Летопись“, № 1.
А. Е. Карелин.—9 января и Г. Гапон. „Красная Летопись“, № 1.
Письмо работницы.—О 9 января. „Красная Летопись“, № 1.
М. Лемке.—9 января 1905 г. (Листок дневника). „Красная Летопись“, № 1.
Доклад присяжных поверенных о событиях в Петербурге 9 января 1905 года. „Красная Летопись“, № 1.
Прокламации и листки петербургской соц.-дем. организации в январские дни, с примечаниями В. Невского. „Красная Летопись“, № 1.
Прокламации и листки Ц. К. Р. С. Д. Р. П. и провинциальных соц.-дем. организаций с примечанием Н. А. Бухбиндера, „Красная Летопись“, № 1.
Н. А. Бухбиндер.—Из истории „Собрания русских фабрично заводских рабочих С.-Петербурга. „Красная Летопись“ № 1.
Доклад директора департамемта полиции Лопухина о январских событиях. „Красная Летопись“, № 1.
Б. В. Савинкова—Воспоминания. „Былое“, №№ 2 и 3 1917 г.
А. И. Матюшинский.—За кулисами гапоновщины. „Красное Знамя“, № 2, 1906 г.
Феликс.—Г. Гапон и его обще-политическая роль. СПБ., 1906 г.
Рабочий Петров.—Правда о Гапоне. СПБ. 1906 г.
Н. Симбирский.—Правда о Гапоне и 9 января.
В. Кранихфельд.—Кровавое воскресенье. „Мир Божий“, № 1, 1906 г.
В. Короленко.—Хроника внутренней жизни. 9 января 1905 г. „Русское Бог.“, № 1, 1906 г.
Из общей хроники.—„Вестник Европы“, № 2, 1906 г.
С. Сухонин.—9 января 1905 г. „Всемирный вестник“, № 12, 1905 г.
И. Г(линский).—Гапон и его газета. „Исторический Вестник“, № 6, 1912 г.
К биографии Гапона.—„Минувшие Годы“, № 7, 1908 г.
Г. Л. И.—Бегство Гапона из России. „Исторический Вестник“, № 2, 1906 г.
Н. А. Бухбиндер.— Священник Гапон. „Красная Газета“, № от 22 янв. 1921 г.
Г. Гапон.—История моей жизни, со вступительной статьей и примечаниями А. А. Шилова. „Прибой“, Ленинград, 1925 г.
Павлов.—Из воспоминаний о „Рабочем Союзе и священнике Гапоне“. „Минувшие Годы“, №№ 3 и 4, 1908 г.
Варнашев.—С начала до конца с Гапоновской организацией. „Историческо - революционный сборник“, под редакцией В. Невского, т. I, Ленинград, 1924 г.
С. Пионтковский—9 января. „Прибой“, Ленинград, 1925 г.

